

УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Владимир Казарин

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (УКРАИНА),
95007, АР Крым, г. Симферополь, прос. акад. Вернадського, 4, e-mail: crch@mail.ru

Марина Новикова

Доктор филологических наук, профессор,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (УКРАИНА),
95007, АР Крым, г. Симферополь, прос. акад. Вернадського, 4, e-mail: crch@mail.ru

UDC: 821.161.1:001.8

ABSTRACT

Kazarin Vladimir, Novikova Marina. *Ukrainian Context of M. Yu. Lermontov's Creative Works (Some Methodological Aspects)*.

The paper gives an overview of Ukrainian research strategies in Lermontovian studies (pre-1990 and 1900–2000-periods). New approaches are also proposed and not only of scholars but publishers, pedagogical and that of translators. If for the last decades the Ukrainian scholars could have managed to reveal to the world ‘another’ Pushkin and «another» Gogol in the Ukrainian context the matter with Lermontov is quite different: this new approach is yet to be realized. The authors of the article initiate the discussion of the problem and propose some samples of the methodology which gives practical results.

In a new light thanks to the reconstructive method the creative ties of Lermontov with Turkic world (Caucasian poetry / poem «Ismaïl-Bey») are revealed. The poet turned out to be in genealogical connection as with Crimean khan clan of Girey-Geray as with a distinguished generation of Chelebey. In the Caucasus he deeply learnt Turkic religious and folklore traditions. All that demands new and deep rethinking of the whole Lermontov's creative heritage? Connected with the Turkic peoples of the South-East.

The second sphere which also demands new approaches - is the Ukrainian aspects of the poet's life and art. It includes his Ukrainian (or connected with Ukraine) circle of friends, teachers, comrades –in-arm, the very image of Ukraine in Lermontov's poetry and its reinterpretation in Ukrainian translations. A penetrative poetical analysis demonstrates quite obviously the way how the Ukrainian or Caucasian mentality gave a new meaning to

Lermontov's motif of Faith, Love and Motherland. Thus the intertextual approach helps much to deepen our understanding of national classic authors, actualizing their significance for international audience.

Key words: *M. Ju. Lermontov, Ukraine, research strategies, pre -1990 period, 1990–2000 period, new approaches.*

Статья посвящена итогам 200-летнего юбилея М. Ю. Лермонтова и новым задачам, которые он поставил перед учеными Крыма и Украины. Речь идет о новых стратегиях, и не только исследовательских, но также издательских, педагогических, переводческих. Если за последние десятилетия ученые Украины смогли открыть миру «другого» Пушкина, «другого» Гоголя, увидев их в украинском социокультурном контексте, то для Лермонтова такой подход еще предстоит реализовать. Авторы статьи приглашают к обсуждению этой проблемы и предлагают некоторые образцы методологий, дающие новые практические результаты.

По-новому открываются через реконструктивный метод творческие связи Лермонтова с тюркским миром (кавказские стихи, поэма «Измаил-Бей»). Поэт оказался не просто в генеалогическом родстве, с одной стороны, с крымским ханским родом Гиреев-Гераяв, а с другой, – с весьма знатным родом Челебеев. Он глубоко усвоил на Кавказе тюркские религиозные и фольклорные традиции. Это требует нового, столь же глубокого переосмысления всего творческого наследия Лермонтова, связанного с тюркскими народами Юго-Востока.

Вторая область, ожидающая новых подходов, – украинские аспекты жизни и творчества поэта. Сюда относится (и кавказские стихи, поэма «Измаил-Бей») друзей, наставников, соратников, и сам образ Украины в стихах и прозе Лермонтова, и реинтерпретация его поэзии в украинских переводах. Глубинный поэтологический анализ, в частности, показывает, как украинский или кавказский менталитет переосветил у Лермонтова мотивы веры, любви, Родины. Так интертекстуальный подход не только не стирает, но углубляет наше понимание национальных классиков, актуализирует их для современной международной аудитории.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, юбилей, Украина, Крым, Кавказ, новые исследовательские стратегии, историко-биографический контекст, реконструктивный метод, глубинный поэтологический анализ, переводы, контакты, типология, «другой» Лермонтов.

Розвідка містить огляд певних дослідницьких стратегій щодо вивчення творчості М. Ю. Лермонтова в Україні на двох етапах: до 1990 року та в 1990–2000-і роки. Продемонстровано потенції декількох нових підходів не тільки дослідницьких, ай видавничих, педагогічних та перекладацьких. Якщо за останні десятиріччя вчені України мали змогу відкрити світові «іншого» Пушкіна, та «іншого» Гоголя, розглянувши їх в українському контексті, у випадку з Лермонтовим цей підхід ще треба реалізувати. Автори статті запрошують до обговорення цієї проблеми й пропонують деякі зразки методологій, які дають нові практичні результати.

Завдяки реконструктивному методу по-новому відкриваються творчі зв'язки Лермонтова з тюркським світом (кавказькі вірші, поема «Ізмаїл-Бей»). Поет, як виявилось, був у генеалогічній спорідненості не тільки з кримським ханським родом Гіреїв-Гераяв, а й з вельми славетним родом Челебєєв. Він глибоко засвоїв на Кавказі тюркські релігійні та фольклорні традиції. Все це потребує такого ж глибокого переосмислення всього творчого наслідку Лермонтова, пов'язаного з тюркськими народами Південного Сходу.

Друга область, яка теж потребує нових підходів, – це українські аспекти життя та творчості поета. До цього входить і коло його українських (або пов'язаних з Україною) друзів, наставників і соратників, а також сам образ України у віршах й прозі Лермонтова та реінтерпретація його поезії в українських перекладах. Глибинний поетологічний аналіз доводить, що як український, так і кавказький менталітет повному висвітлив у Лермонтова мотиви віри, любові та Батьківщини. Так інтертекстуальний підхід не тільки стирає, але поглиблює наше розуміння національних класиків, актуалізуючи їх для сучасної міжнародної аудиторії.

Ключові слова: М. Ю. Лермонтов, Україна, дослідницькі стратегії, період до 1990 року, період 1990–2000-і роки, нові підходи.

Введення. В 2014 году ЮНЕСКО отмечал в международном масштабе 200-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Украина тоже приняла участие в этом проекте, и ей было, что показать в его рамках. Однако подготовка к столь серьезным акциям предполагает не просто демонстрацию результатов, а прежде всего обзор имеющихся и разработку новых стратегий: издательских, исследовательских, переводческих, масс-медийных, образовательных. Не претендуя на полноту охвата этой проблемы, авторам хотелось бы начать ее обсуждение. Такова цель нашего сообщения. Задачи его видятся в следующем. 1) Определить качественное различие в понимании украинского аспекта (авторы предпочли бы даже более динамичное понятие «украинского вектора») в творчестве Лермонтова в посвященных писателю исследовательских студиях на двух этапах: I – по 1990-й год; II – в 1990-е – 2000-е годы. 2) Сделать это не в обвинительно-оправдательном русле, а в русле концептуально-прагматическом. 3) Концептуально – предложить некоторые возможные направления поиска новых проблемных комплексов. 4) Прагматически (методологически) – показать, каким образом исследовательские стратегии могут обеспечить новое видение данного предмета и сформировать новую проблематику его программного изучения.

Степень изученности проблемы. I. По 1990-й год. Наиболее фундаментальными остались здесь работы украинского лермонтоведа, переводоведа и компаративиста профессора И. Я. Заславского. Итоги исследования нашей проблемы были подведены им за период с 1840-х до 1960-х годов [11]. Хронологически в его энциклопедическую статью не смогли войти публикации 1970-х – 1980-х годов, а по цензурным условиям – из новейших украинских переводчиков Лермонтова успел «пройти» полулегализованный к тому времени М. К. Зеров (расстрелян в 1937 году), но «не прошел» оставшийся в живых дважды репрессированный Г. П. Кочур, хотя его перевод стихотворения «Любовь мертве-

ца» был и остается одной из вершин украинской переводческой школы XX века (подробнее см. [20]).

Опять-таки хронологически в обзор не попали доктораты авторов данной статьи [14; 21] вместе с серией сопровождавших их публикаций. И снова – методологически важнее не сама по себе эта лакуна, а то, что в тех наших работах 1980-х годов предлагались – и обосновались – новые подходы к анализу лермонтовского наследия и его украинских переводов. Лермонтов был, наконец, освобожден от обязательного для всех «прогрессивных» писателей «преодоления» романтизма и «освоения» реализма. Поэт оставался романтиком, но романтиком особого типа, близкого к гоголевскому, – и этим оказался ценен не только для классической русской культуры, но и для модерна XX века, причем для других славянских (и шире, европейских) культур также. Взамен «единственно верной» историко-социологической методологии (прилагавшейся, в том числе, и к изучению Лермонтова), была предложена методология множественных интерпретаций, как критических, так и переводческих. Эта множественность обусловлена прежде всего национальным культурным контекстом интерпретаторов (другой язык, другие эпохи, другая литература и культура, другая читательская аудитория и её ожидания). Мы рады, что эти идеи получили развитие в работах наших учеников.

С сожалением приходится констатировать, что тогдашней общенаучной панорамы в Украине отдельные методологические «прорывы» не изменили. Не спасали положения и работы украинской диаспоры. Во-первых, Лермонтов не был, естественно, первейшим предметом её внимания. Во-вторых, если речь и заходила о тех украинских деятелях, чьё творчество – так или иначе – соприкасалось с Лермонтовым, акцент ставился всё же скорее политический: на том, как частично или полностью изымались из «подсоветской» печати (либо сопровождалась вынужденными «разоблачениями искажений» и «критикой ошибок») работы 1920-х годов, Западной Украины (до 1939 года) и диаспоры. В-третьих, голоса «оттуда» действительно практически не доходили до широкого «здешнего» читателя.

Степень изученности проблемы. II. 1990-е – 2000-е годы. В новых социокультурных условиях не могла не измениться и научная картина Украины. Буквально за два десятилетия были изданы запретные дотолем писатели, филологи, переводчики, – изданы уже «здесь», в метрополии. Тем самым были закрыты многие (хотя, конечно, ещё не все) прежние лакуны. Достаточно указать, например, на публикацию

ранних филологических трудов А. И. Белецкого, М. Т. Рыльского, М. К. Зерова и других; на выход монументальных украиноязычных антологий, монопереводческих или «многочереводческих», где обрёл свой новый контекст и «украинский Лермонтов». Были освоены современные исследовательские стратегии мифопоэтического, символического, контекстуального, дискурсного, концептуального анализа текстов, а также более частные аналитические техники: нарратологические, гендерологические, реконструктивные, тезаурусные и т. д.

Вместе с тем, творчество Лермонтова эти стратегии все же в значительной степени обошли стороной. Какие утраты понесло при этом украинское лермонтоведение, легко увидеть по сравнению с результатами украинского пушкиноведения или гоголеведения. По сути, за 1990-е – 2000-е годы Украина в лице своих учёных открыла миру принципиально «иногое» Пушкина, «иногое» Гоголя (обзор диссертаций этого периода см. [22]). Могут возразить: Гоголь – украинец и по происхождению, и по менталитету, а также по темам и сюжетам многих его произведений. Пушкин – не украинец. Однако по Украине поэт путешествовал, о ней писал, и писал в разных жанрах. Жена его, Наталья Николаевна, была, как известно, праправнучкой украинского гетмана П. Д. Дорошенко (1627–1698). Среди тех, кто существенно повлиял на пушкинское мировидение, было немало украинцев или выходцев из Украины. Так что связи Пушкина с Украиной – реальность, обнаружить их и освещать учёным вполне естественно.

Лермонтов бывал очень близко от Украины, от её нынешних восточных и юго-восточных рубежей. Был ли он когда-либо в Украине, – достоверно не известно. Хотя есть версия, что бабушка могла привозить его в свое украинское имение в Прилуцком уезде, земли которого сегодня входят в Черниговскую область. (Ниже мы еще затронем упорно циркулирующий в околонулевой литературе сюжет о тайном посещении поэтом Крыма.) Круг некоторых из его родных, близких, наставников и друзей имел безусловную украинскую генеалогию, иногда чисто биографическую, иногда и культурную. (Аспект, который, между прочим, ещё далеко не полностью документирован и осмыслен). Показательно, что в «Тамани» очень точно воспроизведены особенности украинской речи. Но гораздо важнее сам «украинский вектор»: тот, что способствовал глубокой реинтерпретации других российских классиков, но покамест не вполне еще проявил себя в лермонтоведческих студиях. Говоря кратко: всё, что могут сказать о Лермонтове Москва или Петербург, Пенза или Тамбов, они и скажут. Украина, как и страны Кавказа или Балтии, «атланти-

ческого» или тюркского мира, призваны сказать, – а для этого увидеть в Лермонтове, – то и так, что (и как) могут увидеть и сказать лишь они. А тем самым – увидеть и самих себя с новой стороны. Приведем несколько тому примеров.

Реконструктивный метод исследования: Лермонтов и династия Гиреев (Гераев). Одного из последних Крымских (Бахчисарайских) ханов, Кырым Герая (Крым Гирея), Пушкин сделал героем своей поэмы «Бахчисарайский фонтан». Этим Пушкин, между прочим, через сто с лишним лет сначала (в период борьбы с «царистским прошлым») – спасет от сноса Ханский дворец, а потом (в период борьбы с так называемым «крымскотатарским коллаборационизмом») – защитит от переименования сам город. После депортации крымских татар (1944) с карты Крыма исчезли около 2 500 городов и сёл. Они получили другие названия. Было подготовлено постановление и о переименовании столицы Крымского ханства Бахчисарая в город Пушкиноград. Но именно потому, что приближалось 150-летие со дня рождения Пушкина, стереть с карты полуострова топоним «Бахчисарай» оказалось невозможно. Благодаря более чем вековой всевропейской славе пушкинской поэмы, имя города стало «неприкасаемым». Никакие постановления и указы ни местных, ни центральных властей (как тайные, так и явные) противостоять этому всемогуществу «памяти культуры» (М. М. Бахтин) уже не могли.

И всё же попытки «депортировать» саму эту память культуры предпринимались. Ими, по-видимому, объясняется весьма броский (но броский не на прежний, а на сегодняшний наш взгляд) пробел.

Летом 1825 года мальчик Лермонтов находился на лечении «водами» в Пятигорске. Там юный поэт наблюдает главный мусульманский праздник – Большой Байрам или Ураза-байрам (праздник разговения), который отмечается по окончании Рамазана (священного месяца поста). Это переходящий тредневный праздник, в 1825 году он начался 12 июля. Этот же праздник в тех же местах, но только с 30 июня видел в 1820 году Пушкин, отразивший его в поэме «Кавказский пленник». 7–8 сентября уже в Крыму в Бахчисарае Пушкин был свидетелем того, как татары отмечали второй по значимости религиозный праздник – четырехдневный Малый Байрам или Курбан-байрам (праздник жертвоприношения, он начался в 1820 году 6 сентября), передав эти свои впечатления в поэме «Бахчисарайский фонтан» [15, с. 191–192].

Вернемся, однако, к Лермонтову. В 5-ти километрах от Пятигорска располагался в те годы аул Аджи. 15 июля все отдыхающие

традиционно съехались туда на ежегодную светскую кульминацию праздника Ураза-байрам (напомним, это уже четвертый день по окончании поста), состоящую из разного рода состязаний, представлений и угощений [см.: 12]. Память у 11-летнего мальчика была поразительная. Он запомнил всё: что в этот день не творили молитвы; что праздник открыли конные состязания со стрельбой, сопровождаемые «весельем, ликованьем» молодёжи; что кульминацией представления было пение в конце дня народного певца-ашика, аккомпанировавшего себе на трёхструнном сазе. Кто-то, вероятно, пересказал пытливому мальчику и содержание песни – её (уже в 1832 году, 18-летним) он включит в поэму «Измаил-Бей» вместе с описанием праздника. (Похоже, что Пушкин с Раевскими 3 июля 1820 года тоже были на этом традиционном празднике, организуемом мусульманами для гостей курорта на следующий день после окончания трехдневного Ураза-байрама в ауле Аджи. Элементы описания «Байрана» – так это слово пишут в своих поэмах Пушкин и Лермонтов – обнаруживают очень большое сходство).

Многие из этих сведений советский читатель мог и в 1980-е годы найти в «Лермонтовской энциклопедии» [9]. Хотя далеко не все. Сегодня, конечно, нас удивляет, что в энциклопедии список научной литературы о поэме содержит всего две фамилии «лиц кавказской национальности»: З. Шерипов (1929) и Р. У. Туганов (1972) [29; 27]. Но куда удивительней другое: до сих пор в лермонтоведении не прокомментировано имя знаменитого горского певца, который выступал на празднике в Аджи 15 июля 1825 года, а оно красноречиво – Султан Керим-Гирей [см.: 12].

Мало того, до сих пор не прокомментирована связь семьи Лермонтовых с ханской династией Хаджи Гиреев, и шире – с тюркским миром. Без этих комментариев многое в жизни и творчестве поэта остаётся «непрочитанным» как для крымскотатарских (и украинских!) учёных, так и для крымских читателей, – даже тех, кто осведомлён об истории рода Гераев-Гиреев.

В новую русскую литературу Гиреев «ввел» Пушкин, сделав героем поэмы «Бахчисарайский фонтан» хана Крым (Кырым) I Гирея (1758–1764, 1768–1769 годы правления). Этим выбором поэт сознательно нарушал историческую достоверность (в бытность ханом Крым Гирей не совершал набегов на Польшу), о чем свидетельствует появление в черновиках имени совершавшего набег на Москву Девлет I Гирея (1550–1577 годы правления), но именно с Крым Гиреем молва связывала легенду о пленнице-христианке.

Согласно официальной родословной, Гирей – чингизиды и происходят из Тугатимуридов, предков хана Тохтамышша. Род этот ногайский. Ногаи, скотоводы-степняки, занимали когда-то огромную территорию – от Прикаспия на востоке до Румелийской степи (часть нынешних Болгарии и Румынии) и Буджака (часть нынешней Молдовы) на западе, через Северный Кавказ, Приазовье и Причерноморье. Представители династии Гиреев не только почти 350 лет правили Крымским ханством, но также в разные годы занимали престолы Казанского, Астраханского и Касимовского ханств, управляли землями материковой Таврии, Кубани, Поволжья, Джемболука, Едисана и Буджака. Широко разбросала судьба по свету членов этого рода. Выразительно говорит об этом даже современная топонимика – от района Новогиреево в Москве до поселка Гирей в Краснодарском крае.

Именно ногаи (воспринимавшие Крым Гирея не столько как Бахчисарайского хана, сколько как «своего» племенного вождя) помогли ему сесть на престол; именно их «степная демократия» и патриархальная независимость питала в «гордой душе» Гирея-Герая мечту о полной независимости Крыма; именно к ногаям, своим ближайшим сородичам, поехал хан перед смертью за поддержкой, оказавшись между молотом и наковальней – двумя противоборствующими империями, российской и турецкой, при молчаливом невмешательстве Западной Европы. Поехал – и «скоропостижно» скончался во цвете лет. Наездник, воин, – он умер якобы от острого плеврита. Ныне учёные полагают, что хан был отравлен (детальнее см. [23]).

Вот какой исторический персонаж вошел в историю Крыма и Украины и поразил воображение молодого Пушкина. Но фамильная ветвь Хаджи Гиреев примечательна ещё одним. Сегодня «хаджи» означает человека, совершившего паломничество (хадж) в Мекку. Изначально же значение «хаджи» было шире: это человек благочестивый, авторитетный в вопросах веры, «богоданный» своему народу. Таковым выступает в поэме «Измаил-Бей» Лермонтова не хан, а народный певец. Но будем помнить, что реальный прообраз певца носил имя Султан Керим-Гирей. То есть певец, которого слушал 15 июля 1825 года в Аджи юный Лермонтов, происходил из этой знаменитой династии. Ашик – не просто стихослагатель; это «боговдохновенный» певец, певец-пророк, подобный «боянам» из «Слова о полку Игореве» и киевских былин. Стоит вспомнить в связи с этим, что династия Гиреев была ещё и династией поэтов. Поэтическая антология «Грезы розового сада», представляющая творчество восьми из тридцати Гиреев, писав-

ших стихи, издана в Крыму в 1999 году [8].

В 1783 году последний крымский хан – Шахин Гирей (1777–1782, 1782–1783 годы правления) – отрекается от престола, получает покровительство императрицы и право на жительство в России, перебираясь туда вместе с большой свитой, родней и гаремом (по разным сведениям его сопровождали от 2 000 до 3 000 человек). Местом его жительства сначала был определен Воронеж, потом – подальше от Крыма и ногайских степей – Калуга. В молодости Шахин Гирей учился в Италии, он писал стихи, увлекался театром, знал арабский, греческий, итальянский и русский языки. Жизнь в русской глубинке, вдали от родного тюркского мира, его тяготит. Да и атмосфера вокруг бывшего правителя сгущается. Переписку его перехватывают, близких людей арестовывают, охрану и свиту все время сокращают. Про данное когда-то Шахин Гирею обещание сделать его властителем Персии никто уже не вспоминает. Преданность, которую сохраняют к нему ногаи, раздражает и пугает российские власти.

Через три года Шахин Гирей начинает добиваться разрешения на выезд в Османскую империю. Получив это право, в 1787 году он покинет Россию, совершенно отчетливо понимая, что его ждет. Но речь шла уже не о нем, Шахин Гирею нужно было защитить от преследований свой многочисленный род. В пределы Турции хан въедет со всеми почестями, положенными чингизиду. Однако уже летом того же года он будет казнен по приказу султана Абдул-Хамида I: удушен с помощью шелкового шнура. По понятиям тюркского мира это была благородная смерть – бескровная. Казнили хана там же, где подвергали казни других высокородных осужденных, – на острове Родос.

Династия Гиреев за 350 лет оставила в России большое и до сих пор не изученное, как следует, потомство. По линии матери в родстве с этой фамилией состоял и Лермонтов. Прямым потомком одной из линий Гиреев являлся троюродный брат поэта Аким (на тюркском языке «аким» означает старший, начальствующий) Павлович Шан-Гирей (традиционное для татарского языка стяжение: Шахин-Шаин-Шан). Вероятным основателем русского рода Шан-Гиреев, предков не только Лермонтова, но и Григория Сковороды, является козацкий полковник времен Богдана Хмельницкого – Шагин Иван Гирей (Шан-Гирей), родившийся до 1648 года. Его отцом был хан Саадет II Гирей.

Кстати, это не единственная в роду Лермонтовых тюркская ветвь. Бабушка А. П. Шан-Гирея Екатерина и бабушка М. Ю. Лер-

монтова Елизавета обе происходили из рода Аслан-мурзы Челебея, который в 1389 году вместе со своей дружиной перешел из Золотой Орды на службу к великому князю Димитрию Донскому. Челебей женился на девушке из боярского рода Марии Житовой, их старший сын Арсений (в основе тюркское имя Арсен) стал основателем рода российских дворян Арсеньевых, к которому принадлежал дед поэта по материнской линии М. В. Арсеньев [см.: 28; 2, с. 150–151].

Таким образом, по линии матери Лермонтов принадлежал к самым знатным и влиятельным татарским родам. Знал ли об этом он сам? Конечно, знал, как и всякий дворянин, знакомый со своими фамильными гербами (у Арсеньевых в гербе два скрещенных ятагана, стрела, подкова и полумесяц, свидетельствующие о восточном происхождении их предка) и родословной. И Лермонтова интересовала татарская линия его семьи, о чем говорит хотя бы тот факт, что на Кавказе он будет изучать тюркский язык, по одной из версий, в азербайджанском варианте [1, с. 16]. Сам поэт в 1837 году собирался ехать на Восток, в частности, в Персию, но этот замысел не осуществился. Позднее он отправит в Персию героя своего романа Печорина.

В свете всех этих обстоятельств совсем по-иному начинают восприниматься многие известные произведения Лермонтова. Напротив, эти проникнутые личным отношением стихи из «Валерика»:

<...> И вижу я неподалеку
У речки, следуя Пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор. [17, с. 318]

Отливающие желтизной лица татар из лермонтовского стихотворения однозначно говорят о том, что это гиреевские ногаи.

Также по-новому в свете этих обстоятельств начинает звучать давняя тема якобы имевшего место стремления Лермонтова посетить наследную вотчину Гиреев – Крым. Предание упорно говорит, что поэт нанял однажды парусную лодку и на несколько дней приплыл с Кавказа на полуостров. По крайней мере, в «Герое нашего времени» он признается, что на Тамани любовался «из окна на голубое небо,

усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белее маячная башня» [см.: 15, с. 32–33]. Как подробно и точно (вплоть до упоминания белой башни Еникальского маяка возле самого пролива) описывает Лермонтов такой близкий и одновременно далекий Крым! Как манит его к себе эта земля!

Ясно, что сегодня в переосмыслении нуждается вся история отношений поэта с Кавказом, с тюркским миром и исламом, понимание Лермонтовым прошлого России и населявших империю народов.

Есть также основания полагать, что жизненная судьба Шахин Гирея отразилась в сюжете поэмы «Измаил-Бей»: герой, верно служивший России, возвращается в родные края и принимает смерть от рук своего соплеменника. Это предположение тем более вероятно, что в реальности Измаил-бей был убит не единоверцем, а врагами [9, с. 188]. Кстати, аул Аджи, как установили краеведы Пятигорска, был построен отцом реального Измаил-бея и разрушен войсками после того, как воспетый Лермонтовым в поэме герой возглавил восставшие кавказские племена [см.: 12].

Интертекстуальный метод исследования: М. Ю. Лермонтов, Е. П. Гребинка, Библия. Второй текст, который наглядно демонстрирует новые возможности «украинского вектора», – это лермонтовский поэтический портрет юной красавицы украинского происхождения, княгини Марии Алексеевны Щербатовой, урождённой Штерич («На светские цепи...», 1840 [5; 16]). Волею семейных обстоятельств, М. А. Щербатова стала светской петербургской дамой, но не потеряла, по Лермонтову, ни памяти о родине, ни главных черт украинки: «гордого покоя» перед клеветой и насмешками, душевного целомудрия, нежелания просить «у чуждых опоры». Образ реальной женщины разрастается у Лермонтова до образа Украины и до глубин самой украинскости.

Об этом стихотворении писали лермонтоведы и в Украине, и за её пределами (обзор литературы см. [18]). На украинский язык его перевёл один из лидеров украинского художественного перевода XX века М. К. Зеров (см. Приложение 1). Непосредственным импульсом для создания этого текста мог послужить аналогичный «сдвоенный» портрет молодой красавицы (а на самом деле Родины-Украины) у Е. П. Гребинки [6; 7; 19]. Профессор Е. Г. Эткинд, известный филолог-переводовед и поэт, изгнанный из СССР (1974) за поддержку Александра Солженицына и Иосифа Бродского, резюмировал: «„На светские цепи...” – одно из важнейших стихотворений зрелого Лермонтова. Оно движется

<...> от светски лёгкого восхваления глазок, щёчек, кудрей женщины <...> к воспеванию её „детской веры” и „гордого покоя”». Оказывается, любовь женщины «надёжна, если она опирается на надёжность её нации». И дальше: «Даже в таком чуть ли не мадригальном объяснении Лермонтов остаётся на высокой позиции – гражданина, ценящего прежде всего общенародные традиции <...>» [31, с. 473–474].

С исследователем нельзя не согласиться. Однако знаменательно: отсылка на украинский прецедент – стихи Е. П. Гребинки – мы у него не встретим. И наоборот: авторы, специально изучавшие украинскую общину Петербурга, в том числе, деятельность Е. П. Гребинки, его попытки организовать в «северной столице» периодические издания, откуда русскоязычный читатель мог бы черпать объективные литературные и культурные сведения об Украине, – эти авторы обходят молчанием «гребинковское эхо» в творчестве Лермонтова.

Знаменательно и другое. Цитированный выше профессор Е. Г. Эткинд, мастер тонких поэтологических наблюдений, не объясняет: каким же образом совершается в стихах у Лермонтова это переключение от «светского человека» к «гражданину», к философу-конфессору? Или, быть может, никакого переключения у Лермонтова и нет – есть лишь примыкание, рядоположность? Строки 1–2 представляют собою светский дискурс; строки 3–6 – дискурс украинского романтизма. Строки 7–8 возвращают нас к салонной речи (окрашенной, правда, «горечью и злостью» самого повествователя). А строки 9–16 опять отсылают к стилю и тону, близкому к Е. П. Гребинке, О. М. Сомову, Л. И. Боровиковскому.

Но нет, переключатель (содержательный и стилистический) в тексте Лермонтова всё же имеется, и довольно неожиданный: отсылки к Библии. Начинаются они со строк 7–8 («Как ветер пустыни, / И нежат и жгут её ласки»). Маркером этого библейского интекста, врывающегося в речь и петербургских балов, и украинских степей, служит «ветер пустыни». (Разграничение понятий «интекст-интертекст» см.: [25; 26].) Что даёт нам основания так полагать? 1) Стилистическая отмеченность самого образа, не совпадающая со стилистическими регистрами ни «света», ни «степи». 2) Невозможность приложить этот образ к степям Украины. Не забудем: в 1831 году была уже опубликована (и притом в Петербурге) первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя со знаменитыми описаниями украинской природы, менее всего похожей на «пустыню». «Вечера...» стали сенсацией среди читающей публики; не мог не знать их и Лермонтов. Следовательно, стилистической

диссонанс здесь не случаен. 3) Композиционно – «ветер пустыни» отчётливо членит стихотворение на «мадригальную» и «одическую» (или «элегическую») части. Без этого образа ввод новых, философско-религиозных мотивов в данный текст немислим. Каков же тогда статус и смысл «ветра пустыни»?

Это не простая пейзажная реалья, ни украинская, ни даже палестинская (см. Приложения 1 и 2). В роли реалии «ветер пустыни» никогда не сопрягается в Библии с мотивами любви и/или женской ласки. Его контекстуальные значения – гибель всего живого, или Божий гнев, или возмездие врагам. Но если читать его как общебиблейский символ, тогда на передний план выходит иной, глубинный мотив – *испытания* (восходящий к мифосюжету инициации).

Кого же испытывает лермонтовский ветер? А поскольку это ещё и метонимический знак героини, – кого испытывает она?

Прежде всего испытание проходит она сама. Сохранять детские черты (напомним: к моменту создания стихотворения княгине М. А. Щербатовой около 20 лет), душевную чистоту и верность «отчизны примеру» куда легче дома, нежели «среди ледяного, среди беспощадного света». Не только на чужбине, а и в таком иномирии, где все эти ценности вызывают только насмешки и злобу. С другой стороны, лишь пройдя испытание злом, героиня оказалась способной вырасти до внутренней (а не просто внешней) независимости – до «покоя» возмужавшей души [3, с. 142–143; 4, с. 54–57].

Но испытание проходит и лирический «авторский» герой. Его душевное состояние изначально двойственно; именно потому стилистически двойственна (и даже «тройственна») его поэтическая речь. Его восхищает таинственная красота «ночей Украйны», их космизм, а не простая идилличность. Его умиляет полудетская красота героини. (Вот откуда идут «глазки» и тому подобное, которые интерпретировались подчас всего лишь как мадригальная галантность.) Герой и сам хотел бы питать «надежду на Бога». Однако «ледяной свет» – его привычный мир, успевший оставить на нём свои «приметы», от светских манер до леденящего демонизма. Поэтому героиня для него – предмет и удивления, и надежды («полюбит нескоро, зато не разлюбит уж даром»), и влюблённости, и печали. (Ср.: «Мне грустно, потому что я тебя люблю...», – по мнению некоторых исследователей, и эти строки также адресованы Марии Щербатовой [10; 30, с. 116]).

Отчего же юная женщина, не имевшая ранее никакого «петербургского» опыта, совсем недавно пережившая личную трагедию

(смерть новорождённого первенца-сына), вдова в 20 лет, – сберегла то, что лишь отчасти удалось сберечь герою-мужчине? Лермонтов отвечает недвусмысленно: за нею стоит всё «племя родное», вся её «печальная», но не сломленная отчизна. А за героем стоит родина, которую он тоже любит, но любит другой, «странною» любовью (стихотворение «Родина», 1841). Подобная формула возможна только в том случае, когда между «родиной» и «мною», при всей «моей» любви, остаётся некий – и немалый – зазор. Между героиней анализируемого текста и её родиной такого зазора нет.

Методологические перспективы исследования. Их вырисовалось несколько. Необходимо 1) пополнить и систематизировать современные данные об украинском круге знакомых, друзей, творческих наставников и последователей Лермонтова (тезаурусный метод – реальное комментирование – реконструктивный метод). 2) Уточнить историко-генеалогические и историко-контактные связи с Украиной и Крымом не только лично Лермонтова, но и всего его рода. Отрадно, что подобные связи по отцовской линии все шире выводят исследователей на два древних (и оба знаменитых) британских рода: Гордонов (включая поэта Дж. Гордона Байрона) и Лермонтов (включая поэта-провидца XIII века Томаса Лермонта) (методы историко-биографического, этимологического и генеалогического анализа). Пора, по-видимому, обратить внимание не только на Запад, но и на Восток. 3) Сопоставить лермонтовский образ Украины: как его источники, так и его текстовую реализацию, – с образом Украины в современной для Лермонтова русской литературе (имагологический и сопоставительно-типологический анализ). 4) Прodelать аналогичную работу с материалами об адресатах лермонтовских стихотворений; дополнить их гендерологическим и интертекстуальным анализом в масштабах и макротекстов (поэтических циклов), и мегатекстов (термин профессора И. М. Колегаевой), то есть научных и мемуарных комментариев к указанным стихам.

Совокупность этих новых подходов и методов, перечисленных и /или оставшихся за скобками нашего перечисления, позволит, по нашему убеждению, в значительной мере переосмыслить тему «Лермонтов и Украина», или иначе: «Украинский контекст Лермонтова».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

М. Ю. Лермонтов. <М. А. Щербатовой> («На светские цепи...»).

Перевод на український язык 1930–1931 годов Николая Зерова.

На пуга суворі,
На гомін привабливий бала
Степи неозорі
України вона проміняла.

Та півдня палкого
Собі залишила приміту
Серед крижаного,
Серед невблаганного світу.

Як ночі України
У сяві зір тасмничих,
Доховують тайни
Слова її уст чарівничих.

Як обрії сині –
Очей її полиск і сяння;
Як вітер пустині –
Жагуче її милування.

І стиглістю сливи
Рожеве обличчя зоріє;
І сонце пестливе
У кучерях її золотіє.

І, молячись щиро
За прикладом рідного краю,
Незайману віру
У серці дитячим плекає.

Як люд її рідний,
Не жде від чужинця опори;
Безмовно і гідно
Терпить і знуцання, і горе.

На погляд зухвалий
Не займеться враз потаємно,
Звикає помалу,
Зате й не розлюбить даремно. [13]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

М. Ю. Лермонтов. <М. А. Щербатовой> («На светские цепи...»).

Перевод на украинский язык 2014 года Марины Новиковой.

За вишкіл чужинський,
За балів нудне стоголося
Свій степ український
Покинути їй довелося.

Та є в ній ознаки –
Вітання південному літу
Крізь холод і мряки
Чужого північного світу.

Як ніч на Україні
В рясноті зірок вічносяйних,
Духмяні й нетлінні
Слова її вуст життєдайних.

Як ранок, веселі
Українські блакитові очі,
Як вітер пустелі,
Палючі обійми жіночі.

Як зріючі сливи,
Все личко в рум'яних загравах;
І сонця розливи
У косах її золотавих.

Вітчизну леліє,
Хоч як тая тоскна і вбога,
Дитячу надію
Обидві поклавши на Бога.

Як рідні країни,
Підмоги в чужинців не просить;
Їх кпини та рани
У гордому спокою зносить.

Не сповниться хіттю
Від погляду світського лева.
Полюбить не миттю.
Проте й не розлюбить миттєво. [24]

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроников И. Л. Образ Лермонтова / И. Л. Андроников // Лермонтовская энциклопедия / [гл. ред. В. А. Мануйлов]. – Москва : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 12–22.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – Москва : Наука, 1979. – 279 с. : ил.
3. Библийская энциклопедия : В 2-х кн. – Кн. 1. А-М. – Москва, 1891. – [репринт. изд.]. – Москва : СПМСИ и др., 1990. – 494 с.
4. Библийская энциклопедия. [Текст] : В 2-х кн. – Кн. 2. Н-Ф. – Москва: 1891. – [репринт. изд.]. – Москва : СПМСИ и др., 1990. – 408 с.
5. Герштейн Э. Г. Об одном лирическом цикле Лермонтова / Э. Г. Герштейн // Лермонтовский сб. – Ленинград : Наука, 1985. – С. 131–151.
6. Гребінка Є. П. М. Ю. Лермонтов / Є. П. Гребінка // Вибрані твори /

Євген Павлович Гребінка. – Київ : Дніпро. 1976. – С. 434.

7. [Б. а.] Гребінка Євген Павлович / [Б. а.] // Українська літературна енциклопедія : У 5-ти т. Т. 1 / [під ред. І. О. Дзеверіна]– Київ : УРЕ, 1988. – С. 482.

8. Грезы розового сада : Антология средневековой крымскотатарской поэзии. – Симферополь: СОНАТ, 1999. – 86 с.

9. Григорьян К. Н. «Измаил-Бей» (1832) / К. Н. Григорьян, Е. М. Пульхридова // Лермонтовская энциклопедия / [гл. редактор В. А. Мануйлов]. – Москва : Советская энциклопедия, 1981. – С. 187–189.

10. Динесман Т. Г. «Отчего» (1840) / Т. Г. Динесман // Лермонтовская энциклопедия / [гл. редактор В. А. Мануйлов]. – Москва : Советская энциклопедия, 1981. – С. 360.

11. Заславский И. Я. Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР. Украинская литература / И. Я. Заславский // Лермонтовская энциклопедия / [гл. ред. В. А. Мануйлов]. – Москва : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 383–385.

12. Захаров В. Лермонтов и Восток [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oks-glagol.ru> – 11.08.2013.

13. Зеров М. К. Вибране / Микола Костянтинович Зеров. – Київ : Дніпро, 1966. – С. 409–410.

14. Казарин В. П. Проблемы художественного метода русской литературы 30-х гг. XIX века : (Пушкин, Лермонтов, Гоголь) : автореф. дисс. на соиск. уч. степени докт. филол. науки : спец. 10.01.01 «Русская литература» / В. П. Казарин. – Киев, 1987. – 36 с.

15. «К пределам дальным...» : Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму / Под ред. проф. В. П. Казарина. – Симферополь : Крымский Архив, 2012. – 335 с. : ил.

16. Лермонтов М. Ю. <М. А. Щербатовой> («На светские цепи...») / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. : В 4-х т. / Михаил Юрьевич Лермонтов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Т. 1. – Ленинград: Наука, 1979. – С. 428–429.

17. Лермонтов М. Ю. Валерик / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч. : В 4-х т. / Михаил Юрьевич Лермонтов. – Т. 1. – Москва: Правда, 1969. – С. 316–322.

18. Найдич Э. Э. «М. А. Щербатовой» («На светские цепи...» (1840)) / Э. Э. Найдич // Лермонтовская энциклопедия / [гл. ред. В. А. Мануйлов]. – Москва : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 628.

19. Найдич Э. Э. Стихотворение «М. А. Щербатовой» (Лермонтов и Е. П. Гребенка) / Э. Э. Найдич // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Сборник научных статей. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 403–408.

20. Новикова М. Перекладацький світ Григорія Кочура / М. Новикова //

Друге віддуння : Переклади / Григорій Кочур. – Київ : Дніпро, 1991. – С. 5–18.

21. Новикова М. А. Проблемы индивидуального стиля в теории художественного перевода: (стилистика переводчика). / М. А. Новикова : автореф. дисс. на соиск. уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / М. А. Новикова. – Ленинград : ЛГУ, 1980. – 34 с.

22. Новикова М. О. Методичні рекомендації для самостійної роботи магістрантів та аспірантів літературознавчих спеціальностей. Вип. 2. / автор-упоряд. проф. М. О. Новикова / [М. О. Новикова]. – Кам'янець-Подільський : Абетка-НОВА, 2007. – 99 с.

23. Новикова М. А. Герай исторический и Гирей пушкинский: (Историко-литературная гипотеза) / М. А. Новикова // Полифония культур Украины : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Луганск, 2007. – Вып. 2. – С. 131–143.

24. Новикова М. А. Славянский венок : Из новых переводов / М. А. Новикова // Черное море XXI век : Ежеквартальный литературно-художественный журнал. – Январь-март. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. – С. 218.

25. Новикова М. А. Интертекстуалистика: новые измерения / М. А. Новикова, Е. Ю. Абрамова, С. Э. Трош // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. – № 209. – С. 109–121.

26. Новикова М. А. Исследовательские стратегии в анализе поликультурных художественных текстов / М. А. Новикова, Э. Р. Тулуп, О. С. Семенец, С. Э. Трош // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : Издательство ТНУ им. В. И. Вернадского, 2012. – № 240. – С. 166–169.

27. Туганов Р. У. Измаил-бей. Исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова / Р. У. Туганов. – Нальчик : Сов. писатель, 1972. – 121 с.

28. Сабитов Ж. Чингизиды : в поисках Чингиз Хана. 1. Русские Гирей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.elim.kz> – 24.07.2009; Гулиев М. Потомки Шахин Гирея и Нахчыван [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.azerivz.az> – 07.10.2010; [Б. а.] Шан-Гирей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pstp.info> ; [Б. а.] Шагин Иван Гирей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rodovid.org> .

29. Шерипов З. Что послужило Лермонтову сюжетом для поэмы «Измаил-бей»? / З. Шерипов. – Грозный : Госиздат РСФСР, 1929. – 56 с.: ил.

30. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки / Борис Михайлович Эйхенбаум. – Ленинград : Academia, 1924. – 221 с.

31. Эткинд Е. [Г.] Пастернак и Лермонтов. К проблеме поэтической личности / Е. Эткинд // Там, внутри. О русской поэзии XX века / Ефим [Григорьевич] Эткинд. – Санкт-Петербург : Максима, 1995. – 567 с.